

УДК 94(47).084

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 1

*Уташ Борисович Очиров*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очиров У. Б., 2020

Аннотация. В статье рассматривается военная служба воинских формирований тюрко-монгольских народов Великой степи и прилегающих к ней территорий в составе российской армии в XVIII – начале XIX в. В этот период в составе иррегулярной конницы российской армии служили национальные формирования монголоязычных калмыков и бурят, тюркоязычных башкир, мишарей, тептярей, татар. В работе особый упор сделан на изучение наиболее многочисленных воинских формирований — калмыков и башкир. Несмотря на то, что в начале XVIII в. российская армия была реорганизована в регулярную, в ее составе оставался значительный иррегулярный компонент, в том числе и из числа тюрко-монгольских народов. Первоначально эти этносы самостоятельно формировали свои воинские контингенты, используя традиционную структуру, тактику и вооружение, но уже к концу XVIII в. все национальные воинские формирования были переведены на полковую организацию по образцу донских казачьих полков. В первой части статьи рассматриваются особенности военной службы калмыков и башкир в привычной среде обитания — в Великой степи. Во второй части статьи, которая будет опубликована в следующем номере, анализируются действия тюрко-монгольской конницы в трех крупнейших войнах России XVIII – нач. XIX вв. (Северной, Семилетней, Отечественной 1812 г. и Заграничном походе

1813–1814 гг.). В случае грамотного применения и руководства национальные формирования были весьма эффективны, причем не только на своих театрах военных действий в Великой степи, но и на европейских театрах. Использование национальных воинских формирований российской армии позволило не только существенно сэкономить финансовые и материальные ресурсы для охраны огромных территорий и протяженных границ, но и способствовало интеграции национальных элит указанных народов в имперское общество.

Ключевые слова: российская армия, национальные части, кочевники, Великая степь, калмыки, башкиры, русско-турецкие войны, русско-шведские войны, Семилетняя война, наполеоновские войны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очиров У. Б. Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 1 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 64–97. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

UDC 94(47).084

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 1

*Utash B. Ochirov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ochirov U. B., 2020

Abstract. The article examines activities of Turko-Mongols to have inhabited the Great Steppe and adjacent territories in the military service of Russia throughout the 18th and early 19th centuries. The period witnessed the employment of ethnic military units of irregular cavalries Russian army recruited from the Mongolian-speaking Kalmyks and Buryats, Turkic-speaking Bashkirs, Teptyars, Mishar and Tatars. The work focuses on the largest ethnic military forces — those of the Kalmyks and Bashkirs. Despite Russian forces were reorganized to from a regular army in the early 18th century, the latter still contained significant irregular components, including ones recruited from Turko-Mongols. Initially, the ethnic groups had served as independent military contingents with traditional structures, tactics, and weapons, but by the late 18th century all ethnic forces were clustered into Don Cossack-type regiments. In the first part of the article, published in the previous issue, the features of military service of the Kalmyks and Bashkirs in their usual habitat — in the Great Steppe were considered. The second part of the article analyzes the actions of the Turkic-Mongol cavalry in the three largest wars of Russia in the XVIII-early XX century. XIX centuries. (The Northern, Seven-Year War, the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaign of 1813–1814). Rational approaches and command of the ethnic units would yield good results — both in Eurasian plains and European battlefields. The use of ethnic forces within the Russian army not only saved essential financial and physical resources for the defense of large territories and dramatically long frontiers but also facilitated further integration of their elites into the Empire’s community.

Keywords: Russian army, ethnic units, nomads, Great Steppe, Kalmyks, Bashkirs, Russo-Turkish wars, Russo-Swedish wars, Seven Years’ War, Napoleonic Wars

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes” (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ochirov U. B. Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 1. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 64–97. (In Russ) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

Служба воинских формирований из нерусских национальностей в составе русской армии имеет очень давние традиции. В ранней истории Древнерусского государства фиксируется постоянное использование русскими князьями скандинавских наемных отрядов, да и само основание государства и некоторых княжеств было осуществлено при активном участии варяжских дружин. Следует заметить, что помимо иностранных наемников, которые после завершения контракта или прекращения оплаты могли покинуть своего князя и территорию Руси, существовали и национальные контингенты, сформированные из нерусских этносов, поселенных или уже проживающих на русских землях и принявших обязательства (присягу) о несении военной службы. При этом они могли иногда получать дополнительную оплату в период службы, но не всегда. Ярким примером такой службы были «черные клобуки» (торки, печенеги, берендеи, ковуи), поселенные на территории Поросья, вдоль южной границы Руси, игравшие важную роль в политической истории Киевского княжества. После вторжения Батыя и превращения Руси в вассала Золотой орды «черные клобуки» частично были переселены, частично оказались ассимилированы местным славянским населением.

В XIV–XV вв. по мере расширения власти и территорий Московского княжества в сферу его влияния стали входить тюркские (татары-мишари и буртасы) и финно-угорские (мещера и мордва) этносы, которые, как и присоединенные русские территории, были обязаны предоставлять свои военные отряды по призыву новых сюзеренов. Мало того, на территорию Московского княжества неоднократно бежали выходцы из золотоордынских ханства, в том числе и представители правящих родов чингисидов вместе со своими дружинами. В 1445 г. Василий II принял царевича Касима, бежавшего из Казани после переворота и убийства хана-отца, и поселил его в Мещерском городке, позже переименованного в Касимов. Здесь было основано Касимовское «царство», в котором проживали как татары — выходцы из золотоордынских ханств, так и местные жители Мещерского края (татары-мишари и мордва), обязанные нести военную службу в составе армии Московского княжества [Рахимзянов 2009; и др.].

В середине XVI в. при Иване IV происходит присоединение Казанского и Астраханского ханств, Ногайской орды, значительной части башкирских племен. В то же время в Москву прибыло несколько посольств от различных черкесских князей, заключивших союз (в первую очередь, с военными целями) с Иваном Грозным. В период Ливонской войны применение национальных воинских контингентов в русской армии доимперского периода достигает своего апогея. В первом походе (зимняя кампания 1558 г.) русской армией, вторгшейся в Прибалтику, командовали касимовский «царь» Шах-Али (Шигалей) и князь М. В. Глинский. В ее составе были служилые касимовские и казанские татары, темниковские мишари, муромская и нижегородская мордва, черкесы, при этом их князья числились в командном составе почти всех полков: «царь» Шах-Али был среди трех командиров Большого полка, татарский царевич Кайбула — полка Правой руки, татарский царевич Тохтамыш и черкесский князь Маашук (Иван) Каноков — передового полка [Разрядная книга 1975: 73–74]. По оценке А. Н. Лобина эти союзные контингенты составляли треть конницы русской армии [Лобин 2009: 69–70]. В последующих кампаниях из этой армии исчезают черкесы Маашука Канокова (переброшенные на крымское направление, где этот князь вскоре погиб), но взамен появляются горные и луговые черемисы (марийцы), кадомские и ценские мишари и др.

К сожалению, наиболее ранние сведения о численности армии Ивана Грозного в Ливонской войне, дошедшие до нас, относятся к Полоцкому походу 1562 / 1563 г. Эти данные весьма приблизительные, поэтому специалисты интерпретируют их по-разному. Например, В. В. Пенской полагает, что армия Ивана Грозного в этом походе насчитывала 70–75 тыс. «сабель и пищалей», из которых 5,5 тыс. являлись татарами, черемисами и мордвой — максимум того времени для развертывания на одном театре военных действий на очень короткий срок и при большом напряжении сил [Пенской 2008: 10–11]. По мнению В. А. Волкова, армия Ивана Грозного в Полоцком походе насчитывала 55–60 тыс. ратников (без учета даточных и посошных людей), в том числе 6,5 тыс. татар

[Волков 2020: 100]. Таким образом, численность национальных контингентов в отдельных кампаниях Ливонской войны могла превышать 10 % численности всей русской армии.

По мере расширения границ государства в его состав входили все новые народы. В 1585 г. были присоединены зауральские башкиры. В 1598 г. в результате окончательного разгрома Кучума и пленения его внука Арслана (позже ставшего касимовским «царем») было покорено Сибирское ханство. Вслед за тем началось присоединение Восточной Сибири. Характерно, что при освоении Сибири отряды русских казаков и служилых людей продвигались в основном по лесным, лесостепным и лесотундровым районам на восток и север вплоть до Тихого и Ледовитого океанов. К югу от них находилась огромная полоса Великой степи, протянувшаяся от Карпат и до отрогов Хингана, центральная часть которой в XVI–XVII вв. не входила в состав близлежащих государств, в том числе и России. Ключевым фактором, обусловившим независимость этих территорий, были населявшие их кочевые тюркские или монгольские кочевники. Основу их войск составляли конные отряды, отличавшиеся большой легкостью и маневренностью, которые могли уклоняться от боя в невыгодных для них условиях, разрывая дистанцию с более медленным противником и навязывать ему новый бой в более оптимальных условиях. Войска земледельческой цивилизации (как русская армия, так и армии европейских государств) не могли догнать мобильную конницу кочевников. Единственной возможностью для борьбы с кочевниками было использование самих кочевников. Проиллюстрируем этот тезис на примере вхождения калмыков в состав России.

Ойраты (калмыки) впервые прикочевали к русским границам в начале XVII в., когда этнополитические объединения дербетов Далай-Баатра и торгутов Хо-Орлёга перешли в Южную Сибирь в поисках рынков для продажи лошадей и приобретения необходимых товаров. Тарский воевода С. И. Гагарин в 1607–1608 гг. взял у них устные шерты (клятвы), по которым ойраты в обмен на символический ясак и согласие числиться *«под государевою высокою рукою»* получили разрешение кочевать в южносибирских степях и доступ

на российские рынки [Очиров, Лиджиева 2019]. Одно из посольств Далай-Баатра даже добралось до Москвы и было принято царем Василием Шуйским. Однако, решив насущные проблемы, ойратские тайши без разрешения воеводы покинули пределы России и откочевали в более удобные для них места. Сибирские и уральские воеводы стали брать у ойратских тайшей новые шерты. Например, в 1620 г. они добились получения новых шертей не только от Далай-Баатра и Хо-Орлёга, но и от хошутского Байбагаса и зюнгарского Хара-Хулы, которые в этот момент вели тяжелую войну с западномонгольским алтан-ханом Шолой-Убаши-хунтайджи [Очиров 2010: 39]. Однако из-за отсутствия долгосрочных перспектив эти шерты свою силу сохраняли недолго. Мало того, имели место и набеги ойратов на русские поселения и крепости в Сибири, и походы русских войск на ойратские кочевья. При этом для борьбы с ойратами российские власти использовали и национальные контингенты, в частности, башкир (например, в 1633, 1635, 1636, 1643–1644 гг. и др.) [Рахимов 2014: 39–40]. Имели место и столкновения между калмыками и башкирами, в результате которых последним пришлось оставить кочевья в степном Заволжье или войти в состав калмыцких улусов [Маннапов 2008: 156–158].

В 1629–1630 гг. в ходе одной из междоусобных войн торгуты Хо-Орлёга и его сына Шукур-Дайчина, преследуя разгромленного противника, вышли в район Эмбы и Яика, где столкнулись с ногайцами. Российские власти выступили на стороне своих данников — ногайцев и попытались вынудить калмыков покинуть этот регион. В апреле 1633 г. против торгутов было направлено войско, состоявшее из стрельцов, юртовых татар и ногайцев. Однако калмыки приняли бой на наиболее удобной для себя позиции и окружили противника. Ногайцы стали переходить на сторону победителей, и стрелецкие «головы» пошли на переговоры с калмыками. Признав ногайцев данниками калмыков (на что они полномочий не имели), стрельцы добились мира и свободного прохода в Астрахань. В последующие годы торгуты начали переходить Волгу и проводить рейды на Дон и Кавказ. В 1644 г. отряд Хо-Орлёга, дошедший до Кавказа, был окружен в горных теснинах объединенными сила-

ми черкесов, ногайцев и их союзников. Лишь полтора тысячам калмыков, которым пришлось бросить лошадей и перебираться через горы пешком, удалось вырваться из западни. Сам Хо-Орлёг погиб в бою. Его преемник Шукур-Дайчин взял курс на благожелательные отношения с российскими властями, однако последние по-прежнему требовали ухода калмыков из Волго-Яицкого междуречья.

После Переяславской рады 1654 г. и присоединения Левобережной Украины Богдана Хмельницкого к России ситуация резко изменилась. В начавшейся русско-польской войне 1654–1667 гг. Крымское ханство после некоторых колебаний выступило на стороне Речи Посполитой. Для борьбы с крымско-татарской конницей России требовались войска кочевников, но большой надежды на старых данников — мусульман-ногайцев у Москвы не было, поэтому она решила привлечь к защите южных рубежей калмыков-буддистов. В 1655–1657 гг. принимаются новые шерты калмыцких тайшей, которые принципиально отличались от предыдущих. Во-первых, калмыкам разрешили кочевать в Нижнем Поволжье, а с 1657 г. им определили контуры территории кочевий: по правой стороне Волги — от Каспия до Медведицы, по левой — от Каспия до Самары. Во-вторых, вместо вассальной формулы *«под государвою высокою рукою»* появилась новая, государственного характера: *«быть в вечном подданстве и послушанье»*. Вместо символического ясака калмыки дали обязательство принимать участие в военных действиях на стороне России, а некоторым тайшам царское правительство стало выплачивать жалованье за несение военной службы. Шерть 1657 г. фактически завершила процесс вхождения калмыков в состав России [Максимов 2002: 60–63]. Так в Нижнем Поволжье сформировалось Калмыцкое ханство — вассальное государственное образование в составе России (уже фактически являвшейся империей).

С увеличением территории Российского царства тюркские и финно-угорские народы Среднего Поволжья и Поочья, ранее находившиеся в приграничных районах, к началу XVIII в. оказались чуть ли не в центре новой империи и их все меньше привлекают

к военной службе. Если во времена Ивана Грозного татары, мишари, мордва, черемисы (мари) составляли основу национальных формирований русской армии, то в имперский период воинские контингенты от этих народов (за исключением части мишарей, переселенных в Заволжье и Приуралье) встречаются намного реже. Их место заняли другие народы России, проживавшие в ее тогдашнем приграничье. Например, в 1-й пол. XVIII в. в составе русской армии наиболее многочисленными были отряды, сформированные из украинских казаков (как из гетманского войска, так и полков Слободской Украины). Если же говорить только о тюрко-монгольских кочевниках, проживавших в Великой степи и на прилегающих к ней территориях, то в русской армии в исследуемый период служили калмыки, башкиры, заволжские мишари, тептяри (сословная группа башкир, с XVIII в. активно пополнявшаяся из других этносов, и к концу столетия в ней стали преобладать татары и мари [Рахимов 2014: 50–57]). До 1750-х гг. имели место случаи привлечения на службу казанских и астраханских татар, в конце XVIII в. появились крымско-татарские части. Кроме того, для несения пограничной службы в Сибири привлекались сибирские татары, буряты, а также тунгусы (эвенки, язык которых относится к тунгусо-маньчжурской группе языков, родственной тюрко-монгольским языкам).

Прежде чем приступить к анализу военной службы тюрко-монгольских кочевников в составе российской армии в исследуемый период, оценим их боевой потенциал. Наиболее многочисленными из них были воинские контингенты калмыков и башкир, поэтому их рассмотрим более подробно.

Калмыки, как и другие кочевники Великой степи, *«от младых ногтей»* учились обращаться с конем, осваивали боевые искусства, которые могли пригодиться в конном бою: стрельбу из лука на полном скаку, бросание аркана, борьбу на поясах. Они воевали в основном в конном строю (хотя могли и спешиваться при необходимости, например, при штурме крепостей) и не уступали татарам в мобильности. В калмыцких войсках сохранилась стандартная для кочевников десятичная система: десятки, сотни, тысячи, но

туменов уже не было. Войска Калмыцкого ханства несли службу не постоянно, а по специальным царским указам. Ханы, получив задачу (иногда, но не всегда с определением численности войск), самостоятельно формировали необходимые воинские контингенты, определяли их внутреннюю структуру, командный состав, вооружение и т. д. Десятками обычно командовали простолюдины, сотнями и тысячами, как правило, — зайсанги (управители родов-аймаков, должность, которая у многих позже стала наследственной). Командование отдельными отрядами и многотысячными частями в составе крупных армий возлагалось на нойонов (владельцев улусов). Если армия была достаточно крупной, то ее мог возглавить сам хан или его наследник. В боевых действиях отряды Калмыцкого ханства могли действовать самостоятельно или в союзе с частями русской армии, казаков или отрядами других народов. На мой взгляд, такие автономные воинские формирования правильнее классифицировать как союзные контингенты.

У калмыков каждый мужчина считался воином и должен был, когда приходила его очередь, выступать в поход «о дву-конь», с собственным оружием и запасом пищи. Бывали даже случаи, когда калмыки брали с собой 3 или даже 4 лошади, как, например, в 1729 г., когда наместник Церен-Дондук приказал каждому воину взять с собой *«по три лошади, да на пропитание по одной кобыле, по три барана живьем, по суме пше́на и по суме же сушеного мяса»* [цит. по: Батмаев 2009: 383]. Исходя из потребности, нойоны объявляли покибиточные военные сборы в своих улусах, стараясь эту нагрузку распределить пропорционально. Как правило, это определялось так: один воин в полном снаряжении от двух, трех кибиток и т. д. При этом оставшиеся мужчины обязаны были помогать семье ушедшего на войну. В походы калмыки ходили по очереди, которая соблюдалась строго: *«ни стараго ни малаго и даже убогаго и богатаго и неспособнаго как то слепых и безногих не обходит»* [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 84. Л. 40]. Разумеется, слепые и безногие на войну не ходили, но обязаны были нанимать вместо себя добровольца. Такая практика существовала среди калмыков даже в начале XIX в. К сожалению, наиболее ранний сохранив-

шийся список воинов (с указанием возраста) калмыцкого войска, отправленного в русскую армию, датируется 1807 г., и в нем мы видим мужчин в возрасте от 17 до 60 лет [Захаревич, Очиров 2012: 122]. Нет сомнения, что такие же возрасты привлекались на службу и в XVII–XVIII вв.

Калмыки в военные походы ходили с большой охотой, поскольку это занятие высоко почиталось как особо достойное для мужчины (как, впрочем, и у всех кочевников). В походах калмыки могли захватывать богатую добычу и получать жалование и награды от российского командования и правительства. Например, Мончак во время русско-польской войны 1654–1667 гг. получал 810 руб. жалования в год. При этом суммы могли меняться в зависимости от различных обстоятельств. Например, за Чигиринский поход 1678 г., в котором 3-тысячный отряд калмыков сыграл важную роль, было выдано 2 164 руб., за участие во 2-м Азовском походе, в котором 3-тысячный калмыцкий отряд действовал на вторых ролях, — 5 112 руб., а за участие в подавлении Астраханского восстания 1706 г. — 7 624 руб. [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1736 г. Д. 29. Л. 5]. Правда, из документов осталось неясным: доставались ли все деньги хану или он их как-то делил с подчиненными. Однако в некоторых документах XVIII в. есть сведения о раскладке жалования всему войску, в зависимости от должности. Например, в 1725 г. правительство просило направить в район крепости Святого Креста 6 тыс. калмыков, пообещав за них 500 руб. наместнику Церен-Дондуку и его матери ханше Дармабале, 50 руб. — командиру отряда, 30 руб. — его помощнику, по 5 руб. — «офицерам», по 2 руб. — рядовым [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1736 г. Д. 29. Л. 5]. Правда, этот поход так и не состоялся. Как правило, служба осуществлялась в течение короткого периода, и после окончания похода или кампании ополчение возвращалось домой и там распускалось. Для нового похода или кампании ополчение собиралось заново.

Особой «изюминкой» калмыцкой конницы, обеспечившей им превосходство над местными кочевниками, было применение центральноазиатского комплекса вооружения и тактики. Это очень важное для кочевниковедения открытие сделал известный оружи-

евед и медиевист Л. А. Бобров, который провел большой комплекс работ по изучению сохранившихся источников (археологических, музейных, изобразительных и др.) по истории вооружения кочевников Великой степи позднего средневековья и раннего Нового времени. На основе полученных результатов исследователь пришел к выводу, что крымские татары и ногайцы имели свой западно-азиатский комплекс вооружения и соответствующую тактику. Они, утратив традиции золотоордынской конницы, отказались от длиннодревкового вооружения и сделали ставку на легковооруженных конных лучников. Лишь небольшая часть отборных и знатных воинов имела кольчуги и сабли [Бобров 2016: 221–232]. Кроме того, могли использоваться небольшие отряды пеших стрелков и легкой артиллерии, однако уже во 2-й пол. XVI в. от их использования в походах против европейских армий отказались [Пенской 2010: 62–63]. Это обусловило особенности тактических приемов («хоровод», притворное отступление и внезапная контратака, «воронья стая» и др.) крымских татар, которые осыпали противника стрелами, ускользали от его ударов благодаря скорости и выносливости степных лошадей и навязывали новый бой на наиболее выгодных позициях [Бобров 2016: 232–280].

Ойраты, как и монголы, не только сохранили традиции конницы империи Чингис-хана, но и развили их. Первоначально их войска состояли из легковооруженных конных лучников (которых было большинство) и тяжеловооруженных панцирников с длинными пиками и мечами, однако в позднее средневековье монголы и ойраты начали вооружать легких лучников длиннодревковым оружием. Многократное увеличение количества конных копейщиков заметно усилило ударную мощь ойратской конницы [Бобров 2014: 56–58]. И если крымские и турецкие луки по своим тактико-техническим характеристикам не уступали ойратским лукам, то «куяшным» и «пансырным» сотням татары противопоставить ничего не могли. При этом оторваться от противника крымцы не могли: калмыцкие скакуны не уступали татарским. Благодаря этому, как подчеркнул Л. А. Бобров, *«в ходе фронтальных столкновений с теми же крымцами, а также ногайцами, башкирами, казахами,*

каракалпаками, казаками и даже польской шляхетской конницей калмыки, как правило, выходили победителями». Поэтому не удивителен «неподдельный ужас, который испытывали крымские полководцы перед калмыцкой конницей, рекомендуя своим воинам избегать рукопашных схваток с ойратскими копейщиками» [цит. по: Бобров 2009: 83].

По подсчетам Л. А. Боброва в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. калмыки выиграли 45 столкновений из 49 с крымскими татарами и ногайцами (в том числе все крупные сражения) [Бобров 2014: 53–54]. Сначала калмыцкие войска разгромили и подчинили ногайские улусы, откочевавшие на Северный Кавказ. В 1661–1663 гг. основной вектор калмыцких походов переместился на Крым. Конечно, крымские татары неоднократно пытались переломить эту тенденцию. Они стали изготавливать и закупать пики для своих отрядов, однако навыки копейного боя требуют длительной и грамотной подготовки, причем не только воинов, но и скакунов, поэтому татары успеха не добились [Бобров 2014: 50–58]. В 1663 г. крымский хан был вынужден избрать оборонительную тактику и стянуть свои войска на полуостров: *«по сию сторону Перекопи в степи кочевых крымских и ногайских людей нигде нет, да и кочевать от калмыков и от войска Запорожского не смеют»* [цит. по: Батмаев 2009: 379].

Уже в 1663 г. отряды калмыков дошли до Запорожской Сечи, а затем они, заключив союз с запорожцами, *«ходили под Чигирин»* на Правобережной Украине, где одержали ряд побед над поляками. Численность калмыцких отрядов на Украине доходила до 20 тыс. Апогеем их участия в этой войне стала битва под Белой Церковью 21 мая 1665 г., в ходе которой 7 тыс. калмыков вместе с запорожцами И. Брюховецкого и русскими ратниками разгромили армию коронного гетмана С. Я. Яблонского, в которую входили гусары, рейтары, *«пансырные»* и немецкая наемная пехота [Бобров 2014: 52–53].

Активно использовалась калмыцкая конница и в ходе русско-турецкой войны 1673–1681 гг., в которой Россия выступала уже союзником Польши. В разные годы отряды численностью от 7 до

15 тыс. воинов неоднократно ходили походами под Азов, к Перекопу и на Правобережную Украину. Основные сражения с турками в 1677–1678 гг. развернулись за важнейшую крепость Чигирин. Описывая ход военных действий под крепостью, гетман И. Самойлович подчеркнул, что *«во всех тех боях, отпорах, стравках и побойщах наших воинских, с неприятелями бывших, был нам великою помощью... князь Каспулат Муцалович Черкесский... с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей стояли с нами мужественно, как им воинская храбрость повелевала, и за то достойны суть похвалы»* [цит. по Батмаев 2009: 381].

В следующей русско-турецкой войне 1686–1700 гг. калмыки использовались уже не так активно: основной вектор боевых действий первоначально сместился на днепровское направление. К тому же правительство Софьи Алексеевны вдвое сократило жалование калмыцким тайшам, поэтому в набег к Крыму (в том числе и для поддержки армии князя В. В. Голицына) вместе с донскими казаками вышел только отряд калмыков из зюнгарского улуса Цаган-Баатра, кочевавшего отдельно от ханских улусов [Тепкеев 2016: 15]. Позже, при Петре I, взаимоотношения с калмыками улучшились, и во 2-м Азовском походе приняли участие 3 тыс. конников, которые были направлены в армию А. С. Шеина и сыграли важную роль в отражении атак противника, пытавшегося вернуть крепость. Помимо этого калмыки принимали участие в охране границ от набегов татар. Например, в 1700 г. команда из 700 казаков и калмыков перехватила и разгромила на реке Соляной сильный отряд кубанских татар, возвращавшихся с богатой добычей после набега на окрестности Камышина [Чонов 2006: 18].

При этом калмыки постоянно совершенствовали свое военное дело за счет освоения новых методов ведения боя и видов оружия, в первую очередь, огнестрельного. Уже в XVII в. ойраты активно использовали не только трофейные и покупные русские и черкесские кремневые и среднеазиатские фитильные ружья, но и сами их производили (турки). *«Турки калмыцкие»* изготавливались по образцу среднеазиатских фитильных ружей (более оптимальных для природно-климатических условий Великой степи), имели

длинный железный ствол и могли снабжаться сошками для прицельной стрельбы. Также калмыки использовали малокалиберные орудия без «лафетов», которые перевозились на верблюдах. При необходимости их устанавливали на земле и закрепляли, чтобы погасить отдачу. Конечно, такие орудия нельзя было столь же быстро перезарядить и сменить им наводку, как в европейских армиях, но в боях с войсками кочевниками они были вполне эффективны. Казахи и каракалпаки вообще не имели орудий, а крымские татары не брали их с собой в набеги, используя их только в укреплениях. Неудивительно, что калмыцкая артиллерия использовалась в основном против кочевников [Бобров 2009: 97–100].

Среди тюрков наиболее многочисленные воинские контингенты в состав российской армии в XVIII – нач. XIX вв. направляли башкиры. При вхождении (присоединении) в состав России они приняли обязательства о выплате своего прежнего ясака русскому царю и несении воинской службы. Взамен они сохранили вотчинное право на свои земли, ислам в качестве религии и собственное самоуправление. Однако со временем российские власти начали активно вмешиваться во внутреннюю жизнь башкир. Государство, считая себя верховным собственником всех башкирских земель, с 1730-х гг. начинает их изымать под строительство новых городов и крепостей, нарушая таким образом вотчинные права инородцев. Это привело к участию башкир в серии восстаний (1662–1664, 1681–1684, 1704–1711, 1735–1740, 1755–1756 гг.) [Рахимов 2009: 170–171]. Большую роль башкиры сыграли и в восстании Е. И. Пугачева 1773–1775 гг. Тем не менее, российские власти активно привлекали башкир к несению службы в армии и на границе.

В этот период башкиры, которые сохранили родоплеменную систему, вели полукочевой образ жизни и находились на стадии перехода к оседлости. Однако кочевые традиции и менталитет еще сохранялись: поэтому каждый мужчина считался воином и обязан был ходить в походы. Башкиры сызмальства учились владению конем, навыкам обращения с оружием, особенно с луком. Предводителями родов были бии, которых российские власти именовали сотниками, старшинами, мурзами. Большую роль в управлении

рода играли советы старейшин (аксакалов). Кроме того, были словные группы тарханов и батыров, которые старались профессионально заниматься военным делом, при этом звание тархана могло передаваться по наследству или присваиваться за особые заслуги, а звания батыра мог быть удостоен любой храбрый воин. При необходимости собирались народные собрания (йыйыны), на которых могли приниматься решения, затрагивающие интересы всех родов, в том числе и о формировании отрядов, назначении командиров и т. д. Им предшествовал совет аксакалов — курултай. Если принималось решение об участии в походе, то требуемое количество воинов пропорционально распределялось по родам и «дорогам» (областям), самостоятельно формирующим свои ополчения, которые затем сводились в войско. Военные отряды организовывались по традиционной для кочевников десятичной системе: десятки, полусотни, сотни, тысячи. Командирами полусотен и сотен были, как правило, тарханы и батыры, командиром крупного отряда мог быть предводитель рода [Рахимов 2014: 30–31].

В походы башкиры, как и большинство кочевников, выступали «о дву-конь» и вели боевые действия в конном строю. Они имели огромные табуны и даже вывели башкирскую породу лошадей, оптимальную для сурового уральского климата. В походе башкиры обязаны были самостоятельно обеспечивать себя провиантом и фуражом, что при боевых действиях на западных границах оказалось для них весьма обременительно. Поэтому в ряде случаев башкиры получали от казны жалование и провиант.

Их военное дело восходило к золотоордынской традиции и к началу XVIII в. в целом пережило ту же эволюцию, что и у других тюркских народов — наследников Золотой орды. Почти все башкиры были вооружены составными луками, которыми мастерски владели. Также на вооружении могли быть сабли и огнестрельные турки. Защитное вооружение было представлено шишаками, шлемами, кольчугами, металлическими панцирями, кожаными доспехами, наручами. Вооружение в массе своей было либо привозным, либо трофейным, в основном иранским или турецким. Единственным коренным отличием от татарской традиции было наличие

большого числа копий, но они были произвольной длины, поэтому таранные удары копейщиков и плотные построения не практиковались. Боевое и защитное вооружение определяли тактику ведения боя, похожую на ту, что была у татар. Противник обстреливался стрелами, а в случае бегства его начинали колотить и рубить копьями и саблями. Навыками фехтования владели в основном тарханы и батыры, которые могли практиковать индивидуальный бой батыров перед сражением, однако в целом башкиры использовали рассыпной строй и бой на дистанции [Рахимов 2009: 171].

Следует заметить, что первоначально вхождение башкир в состав России было больше номинальным, поэтому впервые на военную службу в состав русской армии они оказались призваны только в период Смуты, когда страна находилась в тяжелом положении и требовалось максимальное напряжение сил. В 1608–1610 гг. отряды башкир в составе нижегородской рати воеводы А. С. Алябьева сражались против Лжедмитрия II, а в 1611–1612 гг. ходили на Москву в составе Первого и Второго ополчений. В последующие десятилетия отряды башкир службы на европейские театры военных действий не посылались, а использовались в основном для службы в Сибири, в том числе и для борьбы с калмыками. Нарушения вотчинных прав башкир и злоупотребления сборщиков ясака спровоцировали восстания инородцев, что также не способствовало их привлечению к службе в русской армии. Лишь в 1675 г. была набрана группа добровольцев для похода в Крым в составе отряда князя К. М. Черкасского, сформированного из стрельцов, калмыков, запорожских и донских казаков. 52 башкира за отличия в этом походе получили тарханские звания [Рахимов 2014: 36–41]. С конца XVII в. башкиры стали привлекаться на службу более интенсивно. В 1696 г. они приняли участие во 2-м Азовском походе и вместе с казаками и калмыками прикрывали осадный корпус от набегов ногайцев и черкесов. 62 башкира за отличия в этом походе получили тарханские звания [Рахимов 2014: 36–41].

Конечно, в рамках одной статьи рассмотреть всю военную службу нескольких этносов в течение XVIII – нач. XIX вв. невозможно. Например, в Северной войне 1700–1721 гг. в составе войск

Петра I сражались отряды калмыков, башкир, казанских татар, мишарей и мордвы (без учета валашских хоругвей, которые к тюрко-монголам не относятся). В Семилетней войне 1756–1763 гг. в российской армии числились отряды калмыков, казанских татар, башкир, мишарей. В войне с Наполеоном 1812–1814 гг. воевали башкирские, крымско-татарские, калмыцкие, мишарские (мещеряцкие) и тептярские полки. Если же говорить только о калмыцких национальных частях, то они в описываемый период участвовали в Северной, Семилетней, наполеоновских войнах 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг., русско-турецких войнах 1710–1713 г., 1735–1739 гг., 1768–1774 гг., 1806–1812 гг., Персидских походах 1722–1723 гг. и 1796 г. И это без учета службы калмыков, принятых в казачьи войска, которые участвовали почти во всех войнах России исследуемого периода [Максимов 2016: 52–208]. Поэтому в данной статье я сконцентрируюсь на освещении наиболее характерных особенностей военной службы народов, выставявших самые крупные воинские контингенты (калмыков и башкир), как в привычной среде обитания (для калмыков — это степи Причерноморья и Северного Кавказа, для башкир — приграничные степи Урала и Сибири), так и в трех крупнейших войнах России: Северной, Семилетней и войне 1812–1814 гг. (которые будут рассмотрены во 2-й части статьи).

Основным театром военных действий, для которых калмыков в общем-то и поселили в Нижнем Поволжье, являлись степи Северного Причерноморья, Кубани и Терека, где они должны были вести борьбу с тюркскими кочевниками (крымскими татарами и ногайцами) и их союзниками (казаками-некрасовцами и горцами). В течение XVIII в. калмыки вовлекались на военную службу России тремя путями:

1) призыв улусных ополчений на время войны или одной кампании с роспуском на зиму. При этом калмыцкие ханы и нойоны сами определяли штат своих войск, их численность, внутреннюю структуру, вооружение, командный состав, тактику и т. д., исходя из своего опыта кочевых войн.

2) принятие одиночек или небольших групп калмыков, покинувших по разного рода причинам территорию Калмыцкого хан-

ства, на военную службу в состав казачьих войск. Вновь принятые на службу получали равные права с казаками и служили в казачьих полках на общих основаниях, причем в некоторых войсках (например, Донском и Уральском) крещение не было обязательным.

Могли быть варианты, сочетающие оба пути. Например, дербетовские и зюнгарские улусы, которые в начале XVIII в. временно прикочевали на Дон, в казачество не вступали, но в случае нужды выставляли ополчения наряду с казаками.

3) формирование сотен, полков или даже отдельного войска, полностью укомплектованного из калмыков. Они создавались по казачьим образцам, но имели свои особенности, связанные с национальными традициями калмыков (например, Ставропольское калмыцкое войско или калмыцкие сотни в Чугуевском полку, а затем в Екатеринославском казачьем войске). Как правило, крещение для таких казаков являлось обязательным условием, поскольку российские власти обязаны были возвращать улусовладельцам всех бежавших подданных за исключением крещеных.

В русско-турецких войнах XVIII в. Россия, как правило, была вынуждена оперировать на трех театрах военных действий: молдавском, крымском (в 1736 г. было еще азовское направление, которое исчезло после взятия Азова армией П. П. Ласси) и кавказском. Калмыцкая конница, как правило, оперировала на кавказском театре, хотя могла по необходимости выделять какие-то контингенты для других направлений. При этом поддержка казаков и регулярных частей русских войск была минимальной: калмыки почти всегда составляли большую часть армии этого театра.

В русско-турецкой войне 1710–1713 гг. калмыцкая конница использовалась исключительно для операций на кубанском направлении, превратившись здесь фактически в главную ударную силу русской армии. Уже в 1710 г. согласно договоренности с губернатором П. М. Апраксиным Аюка-хан выслал на Маныч 10 тыс. воинов во главе с нойонами Чиметом Батуровым, Четерем и Дондук-Омбо для охраны границы от кубанских татар, совершавших набеги на города и села Слободской Украины и Среднего Поволжья. Услышав о появлении калмыков в своем тылу, кубанцы прервали свои

набеги и повернули назад. Весной 1711 г. калмыки и царицынские казаки отбили у татар огромное количество русских и украинских пленников, захваченных во время набега. Когда противник стал преследовать отходящие калмыцко-казачьи отряды, Чимет Бату-ров с небольшим арьергардом остался на Аксае и надолго задержал татар. Согласно легенде последним в бою пал смертью хра-брых доблестный нойон, который усеял поле вокруг себя «ковром» вражеских трупов. Татары, обрадованные этим успехом, отослали его голову в Стамбул *«по причине, что он на Кубани частые делал поиски и всегда с успехом»* [Чонов 2006: 21].

Аюка-хан, разгневанный гибелью своего троюродного брата и старого соратника, отправил П. М. Апраксину 20 тыс. калмы-ков под командованием своего наследника Чагдорджаба, которые составили бо́льшую часть корпуса, формируемого для похода на Кубань. Ногайцы пытались укрыться в горах, но П. М. Апраксин *«калмыцким войскам дал волю идти на кубанцев вперед, которые сколько их, кубанцев, на обеих сторонах реки Кубани найти могли, всех перерубили, а жен и детей их многие тысячи побрали в полон, а лошадей и скот их отогнали весьма великое множество»* [цит. по: Батмаев 2009: 383]. По итогам рейда казанский губернатор доносил: *«в бою пало татар 11 460, на реке Кубани потопле-но 5 000, в плен взято мужчин 7 000, женщин и детей 21 400...»* [Чонов 2006: 21]. Сам П. М. Апраксин с русскими и калмыцкими войсками взял город Копыл.

На обратном пути *«Апраксин узнал, что 20 татарских мурз с своими войсками, под общим начальством Чан-Араслана, идут из Саратовского и Пензенского уездов, где грабили и разоряли русские села... отрядил против них калмыцкого хана; который отбил весь русский полон и нанес татарам такое поражение, что из трех тысяч всадников остались в живых только один мурза и два простых татарина»* [Потто 1887: 19]. Нурадын собрал на Кубани войско, усиленное черкесами и казаками-некрасовцами, чтобы отомстить калмыкам, но был наголову разбит. По итогам похода Аюка-хан и его родственники в вознаграждение получили 1 300 червонцев и огромное количество мехов, украшений и прочей ут-

вари на общую сумму 5 026 руб. 23 коп., не считая добычи, полученной в бою [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1726 г. Д. 8. Л. 8]. В целом война 1710–1713 гг. была неудачной для российской армии, однако известный военный историк В. А. Потто так оценил эту операцию: *«среди бедствий, постигших русское оружие в эту несчастную кампанию, блестящий поход Апраксина является единственным отрадным и светлым эпизодом»* [Потто 1912: 108].

Следует заметить, что калмыки вели боевые действия на этом театре не только в период войн и не всегда в интересах России, а иногда даже и вопреки им. Например, после заключения Адрианопольского мира в 1713 г. между калмыками и кубанскими татарами развернулась необъявленная пограничная война. Несмотря на попытки Москвы и Стамбула остановить ее, небольшие отряды калмыков и татар чуть ли не каждый год пересекали или пытались пересечь границу для набегов на вражескую территорию. В декабре 1727 г. – январе 1728 г. на Кубань вторглись 30 тыс. калмыков под руководством наместника Церен-Дондука, которые, проигнорировав запреты губернских властей, в четырехдневной битве разбили татар и поставили своего ставленника *«действительным султаном»* [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 199. Л. 277]. Стамбулу и Бахчисараю в тот момент война была не выгодна, и они вынужденно признали нового правителя Кубани.

В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. участие калмыков в войнах России достигло своего апогея, как по численности выставляемых контингентов, так и по интенсивности походов. Уже в первой же весенней кампании 1736 г. 20-тысячная калмыцкая армия наместника Дондук-Омбо, усиленная небольшими отрядами донцов И. М. Краснощекова, кабардинцев, терских семейных и гребенских казаков, под общим командованием атамана Д. Е. Ефремова произвела набег на Кубань, чтобы прикрыть от вражеской конницы южный фланг Донской армии П. П. Ласси, осадившей Азов. Потери ногайцев исчислялись десятками тысяч, многие из них были вынуждены присягнуть России, а вся Кабарда отпала от Османской империи. По итогам похода атаман Ефремов с радостью рапортовал: *«Ныне кубанским татарам не токмо к сикур-*

су Азова дороги пересекаютца, но самим приходит до того, где б себя скрыть могли» [История... 1988: 430]. Азов, лишившись «надежды на помощь», капитулировал. Императрица Анна Иоанновна за «такие добрые и ревностные поступки» наградила наместника Дондук-Омбо собольей шубой и саблей и добавила к его ежегодному жалованью (500 руб. и 1 000 четвертей ржаной муки) еще 2 500 руб. и 1 000 четвертей ржаной муки. Вознаграждение получили и другие нойоны с войском — на сумму 2 000 руб. [Бичурин 1991: 101–102].

После этого Дондук-Омбо в течение всей войны ежегодно (иногда и два раза в год) отправлял в походы на Кубань крупные контингенты конницы. Калмыки при поддержке казачьих полков и кабардинских отрядов, оперируя на самостоятельном театре военных действий, сумели разгромить противника и полностью прикрыть левый фланг российских войск, обеспечив их безопасность от набегов татар. При этом одновременно отправлялись крупные отряды в состав армии П. П. Ласси, действовавшей на крымском направлении, который высоко оценил их действия, особенно отряда Галдан-Норбо во время похода в Крым [Очиров 2009: 412–416]. Оценивая деятельность конницы Дондук-Омбо (удостоенного в 1737 г. титула «хан») в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., следует отметить, что в этих кампаниях калмыки выставили в состав российской армии наибольшее количество войск (по некоторым данным, до 40 тыс. воинов). В период этой войны калмыки не проиграли ни одного сражения и одержали серию впечатляющих побед, причем некоторые из них нетипичным для кочевников пешим строем или путем штурма укреплений. Г. Н. Прозрителев, оценивая военные кампании России на Кавказе, писал: «Нельзя не отметить с особенной настойчивостью, что спор России с Турцией и Персией велся Россией при весьма небольших силах... Войска было мало. И вот, в виду этого обстоятельства, само собою приобретает особенно важное значение участие калмыков» [Прозрителев 1990: 30].

Для анализа планов внешней политики Российской империи в Великой степи очень важен обзор военной мощи монгольских,

тюркских и горских народов, сделанный канцлером М. И. Воронцовым. Мною в статье был использован *«экстракт»* из его аналитической записки, поступившей в Коллегию иностранных дел 4 января 1762 г. В этой записке Воронцов обозрел все народы от монголов на востоке до ногайцев в Новороссии на западе (но почему в нем нет крымских татар), относящиеся к ведению Коллегии иностранных дел. Например, *«мунгальской народ китайской подданной Закона идолопоклонническаго»*, по его мнению, мог выставить до 100 тыс. всадников. Средняя и Малая орды (жузы) *«киргизкайсацкой народ»* по этой записке насчитывали 40 тыс. кибиток и могли выставить до 30 тыс. воинов, в том числе с огнестрельным оружием. Численность каракалпаков канцлер оценивал до 10 тыс. кибиток. Очень высоко М. И. Воронцов отозвался о боевом потенциале кумыков Костиковской (Костек), Андреевой (Эндирей), Аксайской и Брагунской (Барагун) *«деревень»* (княжеств): до 20 тыс. воинов, *«все весьма ружейныя и храбрыя люди»*. *«Шафкал»* (тарковский шамхал), по мнению канцлера, мог выставить до 10 тыс. воинов. Потенциал Большой Кабарды Воронцов оценил в 6 тыс. воинов, Малой Кабарды — 3 тыс. воинов. При этом подчеркивалось, что большинство из них имеют пищали *«крымские и кубачинские винтовальные»*, а *«сабли и сашки припущенные у каждого кабардинца»*. Дети владельцев и узденей *«с малолетству обучаются своим экзерцициям»*, имеют *«лехких и проворных лошадей»*, поэтому *«никакое нерегулярное войско с кабардинцами сравняться не может»*. Характерно, что о многих кавказских народах канцлер имел смутное впечатление. Например, осетины и *«киштинцы»* (вайнахи) считались небольшими народами, *«которые вообще могут быть причислены к тавлинцам»*. Они могли якобы выставить всего лишь 3 и 2 тыс. воинов соответственно. О черкесах и абазинцах точных данных не было, писалось, что *«все оные народы весьма многочисленны»*. Ногайские орды северного Причерноморья оценивались в 30 тыс. кибиток. При всем этом численность населения Калмыцкого ханства оценивалась по данным 1737 г. в 40 тыс. кибиток, и канцлер полагал, что из-за отсутствия мятежей их количество должно было вырасти. О башкирах в записке го-

ворилось, что они народ «довольно многочисленной» и числились за Сенатом (как «внутренний» этнос), но часто бунтуют [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 5. 1762 г. Д. 82. Л. 3–12об.].

Этот обзор показывает, что, по мнению российского правительства, калмыцкая конница по своей численности превосходила или была сопоставима с численностью войск кочевников и горцев на любом из оперативных направлений: северночерноморских ногайцев, кавказских горцев, казахов Младшего и Среднего жузов. Соответственно, при планировании внешней политики и боевых операций до ликвидации Калмыцкого ханства этот фактор всегда учитывался.

В следующей русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 10-тысячная калмыцкая конница под командованием наместника Убаши при поддержке 2-тысячного отряда генерал-майора И. Ф. де Медема вновь «закрывает» кубанское направление. При этом еще два крупных контингента были направлены в состав корпуса Г. Г. Берга (крымское направление) и армию П. А. Румянцева. Войско Убаши при поддержке драгун и казаков подполковника И. А. Кишенского выдвинулось к Моздоку и 29 апреля¹ на р. Калаус атаковало отряд из 6 тыс. отборных кубанцев Арслан-Гирея и Максуд-Гирея. Татары выстроились в три линии, но огонь пушек смешал вражеские ряды, а конница закончила дело, вырубая бегущих до самой ночи. Были захвачены все 5 знамен, множество оружия и панцирей, 5 тыс. лошадей и обоз. На месте боя были воздвигнуты курганы Победы и Пиршества, которые сохранились и поныне. Затем войско Убаши и де Медема вторглись в Кабарду, в результате чего 28–29 мая кабардинские князья присягнули России. В награду за отличия в кампании 1769 г. ряд нойонов были награждены Золотыми медалями с портретом императрицы Екатерины II на голубой (андреевской) ленте.

Кампания 1770 г. также началась вполне успешно. Убаши снова произвел набег на Кубань, но де Медем был недоволен самостоятельными действиями наместника и обидел его, хотя имел приказ *«командовать ханом, но так чтобы это командование ему*

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

не было заметно». Обиженный Убаши увел свои войска. Это оказался последний поход войск Калмыцкого ханства на службе России. В 1771 г. группа заговорщиков во главе с Убаши, недовольных политикой усиления абсолютизма и централизации имперской власти, увели почти $\frac{3}{4}$ калмыков в Джунгарию. После этого Калмыцкое ханство было ликвидировано.

У оставшихся калмыцких улусов уже не было возможностей для отправки на Кавказ 40, 20 или хотя бы 10-тысячного войска, и в последующих русско-турецких войнах и 2-м Персидском походе они играли уже вспомогательную роль. Для «закрытия» кавказского театра российской армии пришлось развернуть здесь соединения регулярной армии (в 1770-х – 1780-х гг. — Кубанский и Астраханский корпуса, в 1796 г. — 10-ю Кавказскую дивизию, с 1801 г. — Кавказскую инспекцию, вскоре развернутую в 19-ю и 20-ю пехотные дивизии, ставшие затем основой для Кавказского корпуса, с 1857 г. — армии), строить протяженные кордонные линии, переселять к ним казачьи войска (Черноморское, Екатеринославское, Хоперское, Волгское).

Следует учесть еще один нюанс, который зачастую выпадает из внимания военных историков. Калмыцкое ханство де-факто осуществляло охрану южных границ России в районе Нижнего Поволжья: на нагорном берегу от татар и ногайцев, на луговом — от казахов и кара-калпаков. Набеги кочевников были достаточно частыми и жестокими, но с 1720-х гг. в этом районе они прекратились. Конечно, свой вклад в охрану границы вносили уральские и волжские казаки, гарнизоны регулярных войска, Царицынская укрепленная линия, но калмыки в этой системе безопасности играли ключевую роль. После ликвидации Калмыцкого ханства вновь встал вопрос об охране границы. Правда, в 1783 г. Крымское ханство было ликвидировано, а вдоль Кубани и Терека в 1770-х – 1780-х гг. пролегли кордонные линии и поселены казачьи и регулярные войска, которые надежно закрыли границу. Однако на левом берегу Волги опасность набегов казахов сохранялась. Поэтому на оставшихся калмыков была возложена повинность по несению сторожевой службы на Узнях, которые кочевники несли

посменно. В 1794 г. выяснилось, что служба калмыков обходится казне в 39,3 тыс. руб., поэтому возник проект их замены на карабинерные полки. Однако ряд сенаторов выступили против этого, подчеркнув, что данная сумма *«не столь велика в сравнении того, что ими оберегается тамошняя граница»*, а карабинерные полки, несмотря на всю свою выучку и опыт, не будут столь же эффективными в степи, как кочевники [Рахимов 2014: 75–76].

Башкиры (также как и заволжские мишари и тептяри) в XVIII в. чаще всего призывались на пограничную службу, в основном на Оренбургскую линию, а также на сибирские линии (Иртышскую, Тоболо-Ишимскую и Колывано-Кузнецкую).

Оренбургская пограничная линия была построена в 1730-х – 1750-х гг. для защиты от набегов казахов и протянулась от Каспия до Тобола более чем на 1,7 тыс. верст. Отряды «степных хищников», поддерживаемые хивинским ханом, довольно часто нападали на русские поселения, угоняли скот, грабили торговые караваны, захватывали людей для продажи на невольничьих рынках. Конечно же, вновь созданное Оренбургское и старое Уральское казачьи войска не могли обеспечить гарнизонами столь протяженную границу, не говоря уже об охране степных караванов. Кроме того, на линии несли службу гарнизонные и ландмилицкие полки. В 1801 г. гарнизонные полки и батальоны были сведены в Оренбургскую инспекцию, которую в 1808 г. преобразовали в 23-ю пехотную дивизию (в 1811 г. ее переименовали в 28-ю). Но всех этих сил было явно недостаточно. Уже с 1742–1744 гг. для службы на линии стали привлекать башкир и мишарей, позже — калмыков Ставропольского войска, поселенного в Среднем Поволжье в 1737 г. При этом иррегулярные войска на Оренбургской линии составляли большинство. По данным крупного специалиста по истории национальной конницы имперского периода Р. Н. Рахимова, в 1764 г. на линии несло службу 4 461 чел.: 928 драгун, 1 226 казаков, 2 004 башкир, мишарей и служилых татар, 303 ставропольских калмыка. Таким образом, иррегулярные войска составляли 79 % всех войск на линии [Рахимов 2014: 76]. В последующем численность иррегулярной конницы на границе увеличилась и стала

сокращаться лишь в нач. XIX в. По подсчетам Р. Н. Рахимова в среднем в XVIII в. «для содержания линейной стражи» направлялось 12–15 тыс., в нач. XIX в. — 9–10 тыс. воинов из «казацких, башкирских, меццеракских² и калмыцких народов, которых для сих выкомандировок избавлены от государственной подати» [цит. по: Рахимов 2014: 80].

Башкиры, мишари, тептяри, ставропольские калмыки каждые полгода направляли на Оренбургскую линию специальные команды: с 15 мая по 15 ноября (летняя командировка) и с 16 ноября по 15 мая (зимняя командировка). При этом в летние командировки направлялось больше людей, поскольку в зимние месяцы набег казахов были менее вероятны. Иногородцы обязаны были выступать на службу «о дву-конь», с собственным оружием и снаряжением. Командированные освобождались от податей на время командировки, кроме того, с 1797 г. они стали получать небольшое жалование, которое, впрочем, не покрывало реальных расходов на продукты и фураж.

Кроме того, башкиры и мишари участвовали в несении службы и на сибирских линиях. В коллективной монографии «История казачества Азиатской России» утверждается (без указания ссылки), что на эти линии «с 1745 г. ежегодно командировались на линейную службу сроком на 1 год около 1 500 донских и яицких казаков, башкир и меццераков» [История... 1995: 145]. По мнению Р. Н. Рахимова, начало службы башкир и мишарей на сибирских линиях следует датировать 1760 г., по мнению В. Д. Пузанова, — 1761 г. [Рахимов 2014: 85; Пузанов 2016: 62–63]. На сибирские линии обычно направлялась команда из 500 башкир и мишарей, которые несли службу в течение года. С 1769 г. в связи с началом новой русско-турецкой войны были прекращены командировки тысячной команды донских казаков, которым приходилось тратить на дорогу туда и обратно несколько месяцев. Вместо казаков стали посылать еще одну пятисотенную команду башкир и мишарей, а срок их службы на линии увеличили до двух лет. Лишь в 1800 г. Павел I отменил службу башкир на сибирских линиях, заменив ее

² Мещеряки — устаревшее название мишарей.

этапной службой по Сибирскому тракту [Рахимов 2014: 85; Пузанов 2016: 64–65].

По прибытии на линию иррегулярные сотни распределялись по крепостям, форпостам и редутам. Между ними разворачивались цепи постов на расстоянии от 2 до 5 верст, которые могли сигнализировать друг другу огнями в случае прорыва границы. Кроме того, вдоль этой цепи постоянно передвигались конные разъезды. Помимо пограничной службы иррегулярные конники могли использоваться для охраны степных караванов или для рейдов возмездия против налетчиков. Вот как оценивал И. Г. Георги боевые качества башкир в боях с казаками: *«лошади под ними бываю-ют добрые; они ездят на них хорошо и смело... небольшое число башкирцев и одерживает всегда победу над гораздо большим количеством Киргизов; да при том часто башкиры и одним полком странствуют долго, и не будучи поражаемы, в Киргизских ордах»* [Георги 1799: 96].

Условия службы на пограничных линиях были весьма тяжелыми: бесплодная степь, плохого качества вода, суровая зима и жаркое лето, характерные для резкого континентального климата уральских степей и предгорья. Спешно построенные крепости были обычными дерево-земляными укреплениями, огражденные осыпавшимися рвами, полуметровыми валами или деревянными заборами. Редутами чаще всего называли обычные «балаганы», которые использовались в основном летом. Однако отряды «степных хищников» были небольшими и состояли из нескольких десятков или сотен удальцов. Нападения тысячных отрядов были редкими. Поэтому главной защитой линии были не крепости с ротой гарнизона, а ударные действия иррегулярной конницы, которые могли успешно противодействовать налетчикам [Рахимов 2014: 78–84].

Следует заметить, что в XVIII в. башкиры и мишари помимо пограничной службы также принимали участие и в войнах России на европейских театрах, хотя и с меньшей интенсивностью, чем калмыки. Башкиры и мишари участвовали в Северной войне 1700–1721 гг., Семилетней войне 1756–1763 гг., походах в Польшу в 1771–1773 и 1790–1792 гг., русско-шведской войне 1788–1790 гг.

Очевидно, что на интенсивности использования башкирской конницы на европейских театрах военных действий сказались восстания башкир. Например, в начале русско-турецкой войны 1735–1739 гг. планировалось послать 3 тыс. башкир в армию Б. К. Миниха, но восстание 1736–1740 гг., вспыхнувшее в ответ на действия Оренбургской экспедиции, сорвало этот проект [Рахимов 2014: 190]. В последней четверти XVIII в. интенсивность привлечения башкир к военной службе в Европе заметно возрастает. Закономерным итогом этого процесса стала кантонная реформа, проведенная 10 апреля 1798 г. по инициативе оренбургского губернатора О. А. Игельстрома [Рахимов 2011: 115].

В результате этой реформы башкир и мишарей официально перевели в военно-служилое сословие для несения пограничной службы на юго-восточных рубежах России. Были созданы 11 башкирских, 5 мишарских, 5 оренбургских, 2 уральских и 1 калмыцкий кантоны. Фактически в составе Оренбургского корпуса (в 1816 г. это наименование было присвоено официально), помимо пехотной дивизии и различных мелких подразделений находилось 4 войска: Оренбургское и Уральское казачьи, Башкиро-Мещерякское и Ставропольское калмыцкое, а также два тептярских полка. В результате кантонной реформы жизнь башкир и мишарей оказалась строго регламентирована, над ними был установлен военно-административный и военно-судебный контроль. Все мужчины-инородцы в возрасте от 20 до 50 лет были обязаны нести службу поочередно каждые 4 или 5 лет. Следует заметить, что официальное оформление Башкиро-Мещерякского войска, де-факто образованного кантонной реформой 1798 г., произошло лишь в 1834 г. [Рахимов 2014: 433–436].

Источники³

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

³ Список источников и литературы в обеих частях статьи приводится полностью.

- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
- Письма... 1951a — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 2 (Примечания к № 2461–2953, напечатанным в первом выпуске VIII тома). М.: АН СССР, 1951. С. 411–1178.
- Письма... 1951б — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1 (Январь–декабрь 1709 г.). М.: АН СССР, 1950. 526 с.
- Письма... 1951в — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2 (Примечания к № 2954–3560, напечатанным в первом выпуске IX тома). М.: АН СССР, 1951. С. 531–1619.
- Разрядная книга 1975 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I / Сост. Л. Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1975. 460 с.

Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Russian State Military Historical Archive.
- Emperor Peter the Great: Letters and Papers. Vol. 8. Part 2: Comments on Files No. 2461–2953 Published in Part 1 of Volume 8. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. Pp. 411–1178. (In Russ.)
- Emperor Peter the Great: Letters and Papers. Vol. 9. Part 1: January–December of 1709. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1950. 526 p. (In Russ.)
- Emperor Peter the Great: Letters and Papers. Vol. 9. Part 2: Comments on Files No. 2954–3560 Published in Part 1 of Volume 9. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. Pp. 531–1619. (In Russ.)
- Kuzmina L. F. (comp.) Razriad Books: 1550–1636. Vol. I. Moscow: Nauka, 1975. 460 p. (In Russ.)

Литература

- Батмаев 2009 — *Батмаев М. М.* Участие калмыков в войнах России с 50-х гг. XVII в. до 1725 г. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 377–385.
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмиздат, 1965. 179 с.
- Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.

- Бобров 2009 — *Бобров Л. А.* Военное дело и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 83–103.
- Бобров 2014 — *Бобров Л. А.* Калмыцкая конница в Русско-польской войне 1654–1667 годов. Вооружения, тактика, военная стратегия // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. / упорядник Д. Тоїчкін; Інститут історії України НАН України; Національний військово-історичний музей України. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. С. 47–63.
- Бобров 2016 — *Бобров Л. А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388.
- Броневский 1834 — *Броневский В. Б.* История Донского войска. СПб.: Типография заготовления Государственных бумаг, 1834. Ч. III. 214 с.
- Волков 2020 — *Волков В. А.* Были и небыли ливонской войны 1558–1583 годов. М.: Прометей, 2020. 412 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 ч. Ч. II. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 178 с.
- Захаревич, Очиров 2012 — *Захаревич А. В., Очиров У. Б.* Калмыки и донские казаки на службе в калмыцком ополчении 1808 года на Кавказской линии (к постановке проблемы) // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: Материалы Всероссийской научной конференции (Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 121–129.
- Земцов 2018 — *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, 2018. 640 с.
- Иванюк 2019 — *Иванюк С. А.* Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. 352 с.
- История... 1995 — История казачества Азиатской России. В 3 т. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 1995. 316 с.

- История... 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Калинин 2007 — *Калинин С. Е.* Ставропольское калмыцкое войско // Рейтар. 2007. № 38. С. 26–38.
- Кротов 2018 — *Кротов П. А.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Яуза-каталог, 2018. 640 с.
- Лобин 2009 — *Лобин А. Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 45–78.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.
- Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 519 с.
- Маннапов 2008 — *Маннапов М. М.* К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в Степном Заволжье // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4–3 (60). С. 156–159.
- Масловский 1886 — *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1-й. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). М.: Типография Окружного штаба, 1886. [678] с. разд. паг.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн изд-во, 1998. 384 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Участие калмыков в войнах в 1724–1771 гг. // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1.* Элиста: Герел, 2009. С. 410–420.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Формирование калмыцкого этноса // *Калмыки (серия «Народы и культуры»)*. М.: Наука 2010. С. 35–47.
- Очиров 2020a — *Очиров У. Б.* 1st and 2nd Kalmyk Regiments in the War of 1812–1814: Military Awards of Their Members // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2: P. 604–613.
- Очиров 2020b — *Очиров У. Б.* Stavropol Kalmyk Regiment in the Napoleonic Wars: Military Awards of Their Members // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. P. 993–1002.

- Очиров, Лиджиева 2019 — *Очиров У. Б., Лиджиева И. В.* Калмыки в составе Российского царства и империи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1>
- Пенской 2008 — *Пенской В. В.* Военный потенциал Российского государства в конце XV–XVI вв.: количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1. С. 3–13.
- Пенской 2010 — *Пенской В. В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 56–66.
- Потто 1887 — *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
- Потто 1912 — *Потто В. А.* Два века терского казачества (1577–1801). В 2 т. Владикавказ: Электротпечатня Типографии Терского Областного Правления, 1912. Т. 1. IX+118 с.
- Прозоровский 2003 — *Прозоровский А. А.* Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М.: Российский архив, 2003. 784 с.
- Прозрителев 1990 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. 2-е изд., репринтное. Элиста: Санан, 1990. 144+28+60+44+30+XXXXIII с.
- Пузанов 2016 — *Пузанов В. Д.* Военная служба нерегулярных частей Российской империи в Сибири XVIII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 61–67.
- Рахимзянов 2009 — *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.
- Рахимов 2009 — *Рахимов Р. Н.* Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII–XVIII вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (Казань, 17 октября 2009 г.). Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 170–174.
- Рахимов 2011 — *Рахимов Р. Н.* «Представления барона Игельстрома» как план реформирования Оренбургского корпуса // Человек — текст — эпоха. Сб. науч. статей и мат-лов. Вып. 4. Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. Томск: изд-во Томского ун-та, 2011. С. 115–121.

- Рахимов 2013 — *Рахимов Р. Н.* Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. Москва: ИД Клио, 2013. 104 с.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Соловьев 1993 — *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993. 639 с.
- Тепкеев 2016 — *Тепкеев В. Т.* Джунгары на Юге России в конце XVII в. // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 1. С. 12–18.
- Чонов 2006 — *Чонов Е.* Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 год. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.
- Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 60 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН, 1992. 320 с.